

Author: Selart, Anti, Tartu university, Tartu, Estonia, anti.selart@ut.ee

Title: Russian "defectors" in Estonia (end of XVI century).

Summary: Several Russian nobles accepted the Swedish king as their monarch in the 1580s and received enfeoffments in Estland. The assimilation of Russians into the local German noble society succeeded already during the next, Estland-born generation. They also had to adapt the Lutheranism, particularly because the manorial lords played specific roles in administration of the parochial churches. To be accepted in local noble society the adaption of its norms and rules was required. In traceable cases (e. g. the family of Baranoff) the process took place without remarkable difficulties.

Key words: Russian nobility, cultural and religious adaption, Swedish Estonia

Селин Адриан Александрович,

д. и. н., профессор Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Смутное время в историографии последних лет

Историография Смутного времени конца XX–XXI вв. богата монографиями, где высказаны новые оценки событиям начала XVII столетия, представлены новые подходы в изучении этого периода истории Московского государства. Одновременно в научный оборот введено большое количество новых источников. Открытие границ, своего рода глобализация исторической науки, позволило историографии преодолеть известную узость национальных исторических традиций.

Среди тенденций в современной историографии Смутного времени обозначим следующие:

- отказ от классических трактовок Смуты, восходящих к «Новому летописцу»;
- напротив, повторение многих «классических ошибок» и трендов историографии XIX–XX вв.;
- региональный подход к изучению особенности Смутного времени;
- рассмотрение Смуты в Московском государстве как части политических процессов Европы;
- внимание к казусу и к персоналии.

Все перечисленные тенденции, однако, не создают гладкой и прекраснотушной картины; они вступают друг с другом в видимое противоречие. Рассмотрение данных противоречий и является содержанием представляемого доклада.

Сам повод настоящей конференции — 400-летний юбилей освобождения Москвы — в последние годы подвергается здоровой критике. Современный историк не может удовлетвориться мифологическим толкованием исторических событий, присущим любому такому юбилею. Принятие в качестве официального государственного праздника 4 ноября вызвало резкое отторжение значительной части исследовательской корпорации. Наиболее четко такая критическая позиция сформулирована в статье В. Д. Назарова «Что мы празднуем 4 ноября?» (Назаров В. Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения 2006. Н. Новгород, 2007. С. 220–238). Впрочем, в недавней работе В. Н. Козлякова с горечью отмечается, что научное исследование любого исторического факта/личности практически никак не влияет на массовое его

восприятие (Козляков В. Н. Развитие земской идеи в нижегородском ополчении // Мининские чтения 2006. Н. Новгород, 2007. С. 163–183). Неслучайно обе эти статьи (в полной редакции) были опубликованы в одном сборнике — «Мининские чтения», раз в два года выходящем в Нижнем Новгороде и ставшим в последние годы важнейшим периодическим изданием, специально посвященным Смуте начала XVII в.

Среди важнейших монографий о Смуте, опубликованных в России в последние годы, стоит назвать следующие. Это книга Б. Н. Флори о польском влиянии на московское общество в годы Смуты (Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005), монография В. Н. Козлякова о Смутном времени (Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М., 2007) и новое, существенно переработанное издание книги И. О. Тюменцева, посвященное движению Тушинского вора (Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008). Именно эти работы, как мне представляется, сегодня составляют базу для любого дальнейшего исследования частных вопросов истории Смуты начала XVII в. В книге Б. Н. Флори очень четко и беспристрастно анализируются взаимоотношения московского служилого люда с польской культурой, в особенности в период между Клушинской битвой и московским восстанием марта 1611 г. Впервые в литературе четко высказана мысль о широкой поддержке москвичами кандидатуры королевича Владислава в 1610 г. как консенсусной для сотен представителей московского общества. Благодаря книге И. О. Тюменцева изменяется взгляд на «тушинских перелетов», до сих пор часто воспроизводимый в исторических и научно-популярных работах. В масштабном исследовании о Смуте, принадлежащем перу В. Н. Козлякова, делаются важные наблюдения. Самым значимым из них я считаю отказ от попыток понять персональный состав «Семибоярщины», взамен чего разумно предлагается отношение к этому термину как к удачному риторическому образу. Важным для осмысления событий 1612 г. является и рассмотренный В. Н. Козляковым специально состав Первого ополчения после гибели П. Ляпунова, что позволило отказаться от традиционного именованя его «казацким».

В 2006 г. вышла в свет большая концептуальная работа В. И. Ульяновского «Смутное время» (Ульяновский В. Смутное время. М., «Евразия», 2006). Несмотря на идеологическую ангажированность книги, в ней содержится новый взгляд на личности Лжедмитрия I, патриархов Иова, Игнатия и Филарета, новгородского митрополита Исидора. Несомненной заслугой монографии В. И. Ульяновского является тонкий анализ коронационных процедур, происходивших в Москве в мае 1606 г. Важной проблемой, затронутой в книге В. И. Ульяновского, является противопоставление «прямых» и «кривых» героев Смуты. Автор идет по пути реконструкции критических биографий и поиска мотивации поступков героев. Заметной особенностью московской идеологии при первых Романовых (и несколько ранее) является подмеченная Ульяновским тенденция: «прямые» герои Смуты — сторонники Годунова и старины, «кривые» — сторонники Первого самозванца; равным образом, для времени после 1607 г. «прямые» — за царя Василия, «кривые» — за Тушино и поляков. Особое место в книге занимает исследование личности патриарха Филарета. Здесь обвинение в кривизне, казалось бы, очевидно, однако в памятниках начала XVII в. это обстоятельство по понятным причинам замалчивалось. Вместе с тем многие источники Смутного времени толкуют личность Филарета в негативном ключе.

Важное место среди исследований о Смуте последних лет занимают региональные работы. В 2012 г. уже прошло несколько конференций, так или иначе связанных со Смутным временем; видимо одним из итогов этих конференций будет разъяснение многих локальных спорных вопросов истории Смуты — в

Каргополе, Ярославле, уже упоминавшемся Нижнем Новгороде, даже на территории Ивановской области. Выделим в особую группу исследования по Смутному времени на Северо-Западе России. За последние несколько лет опубликовано большое число работ по истории Смуты в Новгородской и Псковской земле. Это и публикация исследований первой половины XX в. (труды Г. А. Замятина), и новые монографические исследования (работы Е. И. Кобзаревой, В. А. Аракчеева, А. А. Селина, Я. Н. Рабиновича). Интерес к Северо-Западу обусловлен, на мой взгляд, двумя причинами: интеграцией научной мысли российских и шведских ученых (в рамках проекта *Novgorodiana Stockholmiensia*), вводом в научный оборот материалов архива Новгородской приказной избы начала XVII в., хранящихся в Государственном архиве Швеции, а также возможность публикации забытых исторических трудов, среди которых особое место занимают уже упоминавшиеся исследования Г. А. Замятина. Что же может сегодня считаться итогом данных исследований?

Во-первых, всесторонне изучены обстоятельства появления шведской кандидатуры на Московский престол, активно обсуждавшиеся в 1611–1613 гг., и особенно в 1612 г., как раз 400 лет назад. Сопоставляя вес польской кандидатуры в 1610 г. с весом шведской кандидатуры в 1612 г. можно говорить о том, что обе они поочередно пользовались поддержкой значительной части, если не большинства московского общества

Кроме того, благодаря исследованиям В. А. Аракчеева сегодня уже не приходится говорить о социальном или классовом противостоянии в Пскове в 1611 г., о борьбе «меньших» с «большими» и эскалации насилия в ее ходе (Аракчеев В. А. *Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках*. Псков, 2004).

Можно сказать, что обстоятельства существования в Новгороде в 1611–1617 гг. эволюционирующей политической системы (от попытки временного — до всенародного избрания царя — союза до сопровождающейся эскалацией насилия оккупации) изучены сегодня чрезвычайно подробно. Более того, благодаря трудам Я. Н. Рабиновича достаточно хорошо изучена история малых городов Новгородской земли в 1611–1617 гг. Основные источники для Я. Н. Рабиновича — это материалы Посольского приказа (РГАДА. Ф. 96), извлеченные им из работ Г. А. Замятина (опубликованных только в 2008 и 2012 гг.), в сопоставлении с «Историей» Юхана Видекинда, а также материалами архива Новгородской приказной избы, изложенными в публикации К. И. Якубова. Следует отметить, что статьи и небольшие монографии Я. Н. Рабиновича, базирующиеся преимущественно на пересказанных источниках, вместе с тем имеют достаточно важное значение. В них ученый ставит вопросы в целом, в соответствии с научными запросами современности. Статьи Рабиновича, хоть и основанные преимущественно на трудах Г. А. Замятина, практически лишены риторики и пафоса, характерных для эпохи, когда писались работы его предшественника. Среди небольших исследований Я. Н. Рабиновича — статьи о Порхове, Ладогe, Гдове в Смутное время; одна работа посвящена личности английского посредника на русско-шведских переговорах Джона Мерики, другая — кн. Е. Ф. Мышецкого, новгородца и саратовского воеводы.

Большое число работ о Новгороде и новгородцах Смутного времени опубликовала Е. И. Кобзарева. Ее исследования базируются на копиях столбцов Новгородской приказной избы, сделанных для советских ученых в 1960-е гг. и хранящихся в ГАРФ. Серия статей Кобзаревой в недавнем прошлом завершилась монографией, защищенной как докторская диссертация (Кобзарева Е. И. *Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века*. М., 2005). Важное место в монографии занимает исследование судеб новгородцев в 1611–1617 гг. Е. И. Кобзарева противопоставляет тех служилых людей, которые сотрудничали со

шведской властью, тем, кто саботировал или противостоял ей. Полагаю, что такого противопоставления недостаточно для того, чтобы понять особенности жизни служилых людей в Новгороде начала XVII в., и только просопографическое исследование может приблизить к такому пониманию.

Е. И. Кобзаревой принадлежат ценные наблюдения о взаимоотношениях внутри новгородского общества в 1611–1617 гг., о политической истории этого времени. Ценными являются наблюдения о значительном числе представителей Первого ополчения, оказавшихся в Новгороде в 1611 г. и игравших существенную роль в переговорах со шведами. Однако утверждение Кобзаревой о том, что отход этих людей от власти в 1613 г. имел следствием ослабление контактов Новгорода с Москвой, кажется преждевременным. Утверждая, что «представители... ополчения остались для Новгорода инородным телом», исследовательница не замечает того, что многие из них были новгородцами по происхождению. Связывать настроения в Новгороде 1608–1609 гг. в пользу царя Василия Шуйского с тем временем, когда боярин кн. В. И. Шуйский был новгородским воеводой, искать среди новгородцев консервативную группировку, сложившуюся в конце XVI в. и поддерживавшую в 1608 г. кн. М. В. Скопина-Шуйского, наверное, слишком смело.

Особенностью исследований Е. И. Кобзаревой является то, что шведы в них предстают с определенным знаком минус — оккупантами, а сотрудничество новгородцев со шведами рассматривается не просто как компромисс, но как измена. Наиболее продуктивные наблюдения Кобзаревой встречаются там, где исследователь вводит в оборот материалы Разрядного архива (Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 16, 26. Примеч. 6).

Внимание к деталям, к казусу, характерное для исторической науки конца XX в. равно как и возможности, появившиеся с широким использованием компьютерной техники, привели к появлению многочисленных исследований в жанре исторической биографии и просопографии. Это характерно для изучения Смуты начала XVII в. (в трудах И. О. Тюменцева, Д. В. Лисейцева, Н. В. Рыбалко, А. В. Белякова, А. А. Селина, отчасти Г. М. Коваленко и В. Г. Ананьина). На мой взгляд, исследование персоналий Смутного времени сегодня достигло той точки, когда необходима координация исследовательских усилий в виде создания открытого информационного ресурса (наподобие британского проекта «Просопография Англо-Саксонской Англии»). Возможной матрицей для такого ресурса могли бы послужить существующие базы данных по новгородским служилым людям и по приказному аппарату Смутного времени.

Особняком в историографии Смутного времени стоят работы Л. Е. Морозовой. Ее перу принадлежат две монографии (одна научного (Морозова Л. Е. Россия на путях из Смуты. М., 2004), другая научно-популярного характера) о Смутном времени, а также сборник документов о Смуте, уже получивший справедливую оценку в историографии (Солодкин Я. Г. Рец.: Л. Е. Морозова. Смута начала XVII века глазами современников. М., Изд-во «Наука», 2000. 464 с. // ВИ. 2002. № 3. С. 168–171). В трудах Л. Е. Морозовой невооруженным глазом можно выявить прежде всего идеологическую ангажированность (проявляющуюся, к примеру, в некритичном отношении к Новому летописцу, и гиперкритичном — к «Повести о Земском соборе»). Об этом в своей рецензии на данную книгу упоминал В. Н. Козляков (Козляков В. Н.. Рец.: Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича / Институт российской истории РАН. М.: Наука, 2005. 467 с. 700 экз. // Отечественные архивы. 2006. № 5). Невозможно пройти мимо огромного множества фактических ошибок. Чрезмерно схематичны характеристики бояр из «окружения Бориса Годунова», претендующие на то, чтобы стать формульными:

«был бездарным/талантливым полководцем»; «отличался любовью к роскоши». Если развивать этот ряд, то, к примеру, Яков Деллагарди был, несомненно, талантливым полководцем и наверняка отличался любовью к роскоши и т. д. Схематичность такого подхода Л. Е. Морозовой к классификации высших должностных лиц Московского государства была показана в работе В. Г. Ананьева, посвященной личности кн. А. В. Трубецкого. Как показал Ананьев, нет никаких оснований считать, что его «включили в состав правительства, так как он пользовался особым уважением»; князь был последним представителем старшей ветви рода (Ананьев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: Исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 31–35). Важны, впрочем, не эти замечания. Общий смысл книги Л. Е. Морозовой заключается в утверждении именно всенародного избрания царя Михаила Романова. При этом полностью игнорируются не только достижения историографии Смутного времени последних двадцати лет, но и современные тенденции мировой исторической науки.

Не менее поверхностна и научно-популярная монография Л. Е. Морозовой (Морозова Л. Е. Смута на Руси. Выбор пути. М., [2007]). Сложно перечислить все мелкие огрехи и невозможные допущения, приведенные в ее тексте. Общий пафос книги заключается, однако, в следовании историографическим тенденциям, заложенным Новым летописцем. Особенностью взгляда исследовательницы на Смуту является идеализация царя Федора Ивановича и его противопоставление Борису Годунову (это проявилось еще в первой монографии Л. Е. Морозовой о Смутном времени). Подчас эта идеализация принимает гротескные формы. Так, согласно Л. Е. Морозовой, годуновский стиль «...отличали изысканность, вычурность и определенное изящество форм, богатый декор и пышность отделки. Все это свидетельствует о склонности царя к помпезной красоте, шику и роскоши, что опять же существенно отличало его от скромного и умеренного во всех отношениях царя Федора Ивановича». Стремление придать своим идеям популярную форму также граничит у Л. Е. Морозовой с гротеском: так, говоря о передаче вестей в 1611 г., она употребляет слова «послали... поздравительную телеграмму». Легенду об отравлении Михаила Скопина-Шуйского Екатериной, женой князя Дмитрия Шуйского, Л. Е. Морозова не просто пересказывает в утвердительной форме, но и подробно расписывает по ролям, чего источники, понятно, не сообщают.

В этом кратком обзоре, разумеется, невозможно перечислить все исследования по истории Смуты последних лет. В современной историографии Смуты заметны две тенденции. Первая заключается в освоении мирового опыта исследований раннемодерных европейских государств, в интеграции исследований в мировую историографию, в изучении культурного диалога, который открылся в Московском государстве в годы Смуты. Хочется верить, что эта тенденция преобладает. Но нельзя не отметить и существующей в современной именно научной историографии тенденции к идеологизации обстоятельств и событий Смуты: интересно, что такая идеологизация, как правило, приводит к воспроизведению идей, сформулированных московскими книжниками в первые годы после воцарения Михаила Романова.

Данная статья написана в рамках проекта РГНФ № 11-01-00199а «Новгородские дозорные и обыскные книги 1611–1616 гг.: комментированное издание».

Ключевые слова: Смута, историография, мифология юбилеев

Information about the article:

Author: Selin, Adrian Aleksandrovich, Doctor in History, National research University “The High School of economic”, St.-Petersburg, Russia, Adrian.selin@gmail.com

Title: Time of Troubles in the historiography of the last few years

Summary: Article deals with the trends in contemporary Russian historiography of the Time of Troubles. I divide two main tendencies: the integration to World historiography and the reproduction of state mythology been plotted in 17th century. The tendencies in general texts on the Time of Troubles and some regional (Novgorod and Pskov) studies are revisited.

Key words: Time of Troubles, Russian historiography, State mythology

Скобелкин Олег Владимирович,

к. и. н., доцент кафедры истории России

Воронежского государственного университета (Воронеж)

Испытание на лояльность: иноземцы и московские власти в эпоху Смуты

Во второй половине XVI в. военные из числа иностранцев попадали в Россию, а затем и в русское войско, главным образом, через плен. Естественно, что лояльность таких служилых людей не вызывала оптимизма у русских властей. Опасения эти были ненапрасными. За время Балтийских войн известны несколько случаев переходов под знамена противников России служилых «немцев». Именно поэтому правительство старалось не использовать западноевропейцев на «западном фронте», а направляла их в войсковые группировки, выдвигавшиеся против крымских и ногайских татар. Такая политика позволяла не подвергать ненужным испытаниям лояльность иноземцев на русской службе и не терять высококлассных вояк, знакомых с достижениями европейской военной революции. Однако с самого начала Смутного времени обстоятельства вынудили московские власти отказаться от этой политики: уже в первых столкновениях царской армии с отрядами Лжедмитрия I участвовали и сотни служилых иноземцев. В дальнейшем смены на российском престоле, появление все новых и новых самозванцев, вторжение в Россию армий Речи Посполитой и война со Швецией поставили западноевропейцев на русской военной службе перед нелегким выбором — чью сторону принять.

Первый раз лояльность служилых иноземцев, находившихся в действующей армии, подверглась испытанию во время мятежа под Кромами. По данным Буссова, когда Басманов и большая часть царского войска изменили Федору Годунову, «и все пошли в Путивль к Димитрию», «немцы» «в суматохе отделились от них с несколькими тысячами московитов и вернулись в Москву к своему государю, молодому царю, которому очень по душе пришлось их постоянство, и он щедро пожаловал и одарил их, да еще приказал объявить их всенародно самыми верными и постоянными» (Буссов К. *Московская хроника, 1584–1613*. М.; Л., 1961. С. 105).

Однако вскоре этим «немцам» пришлось снова демонстрировать свою верность, причем тому, с кем они совсем недавно и весьма успешно воевали в составе царского войска. Когда в июне 1605 г. Самозванец на несколько дней стал лагерем под Москвой и там принимал знаки преданности от москвичей, «пришли к нему все немцы, подали ему на лугу челобитную с просьбой не гневаться на них, если они причинили какое-либо зло его величеству и его войску под Добрыничами. В то время этого требовала их присяга и честь, ибо они были людьми подневольными, служили своему тогдашнему государю господину Борису, клялись ему